

стреляет... шампанское, где он и лег костью... пьяные бо сраму не ямут.

Новороссийск. Мозг и цвет русской нации отплыли, удобно разместившись в уютных каютах, а на берегу остались тысячи женщин, детей, стариков и конечно, из казачьих Краев. Вдруг крик, стон... повалились победители... и адоревенный „ванько“, с каторжанским лицом, вломился в гушу сбившихся, как стадо овец, женщин и кромсает штыком. О! стоном пошел по берегу моря этот плач матерей! Слезы и слезы! Это плач материнского сердца по тому, за кого было принято столько мук и пролито крови при рождении.

Перестали ли плакать теперь? О! нет! В письмах, облитых слезами, в тихую лунную ночь, когда дремлет природа, прислушайтесь и услышите плач, по исковерканной, разбитой святыне.

Плачь и рыдаю, белая мама-казачка, „арапы“ сделали свое дело и ушли. Тогда там можно было посылать детей, во имя „их“ Родины (подразумевай, барышей) в казарму, в бой, отнимать у них самое дорогое, прекрасное — душу... Здесь же какой то рассказ „бездарный“, развращает их молодое поколение. В самом деле, дети таких сановитых отцов: графские, княжеские, министерские и просто „выдающихся“ деятелей, ведь они такие нежные, хрупкие, что хрустальный сосуд, ну, а те? Те просто дети „холопей“.

В. Новак (терец).

12-VIII-30. Лион.

Бухарестские письма.

I.

„Перевозка во Францию.“

На страничках журнала „Родимый Край“ редактируемого председателем „Казачьего Союза“ г-м Мельниковым, каждый раз помещается специальная заметка под заголовком „Перевозка во Францию“, на которой читателям видно, что в течении какого-то месяца из какой-то страны представителем „Каз. Союза“ или непосредственно самим Союзом — перевезены на работы во Францию такие то донцы, кубанцы, терцы и др. Кроме этого, Правление „Каз. Союза“ предлагает казачкам, желающим воспользоваться переездом во Францию, прислать групповые списки (со старшим во главе) с указанием имени, отчества, фамилии, возраста, семейного положения, Войска, станицы и точного адреса.

Казачья группа в Бухаресте, прошлого 1929 года, испытывая острый кризис безработицы, соблазненная вышеприведенным объявлением, решила воспользоваться работой и помощью Союза — переехать во Францию.

На имя Председателя „Каз. Союза“ Мельникова от имени группы (воглавляемой мной) была послана просьба об устройстве группы на работу, с приложением именного списка со всеми требуемыми формальностями.

Г-н Мельников не заставил себя долго ждать и через короткое время на мое имя пришел ответ. „Многоуважаемый“ и проч. „Группу Вашу удалось устроить хорошо“ на такой-то завод, на такие-то условия, комнаты, электричество, дешевые кантаны, помощь станицы и проч. Словом, бесплатный курорт — а не завод!

За такой благоприятный ответ, г-ну Мельникову было послано благодарственное письмо с запросом по отношению виз, контрактов и проч. Вместо ответа пришел бесплатный номер журнала „Родимый Край“, а несколько позже — письмо с просьбой подписаться группе на этот журнал. Визы-же, контракты, деньги-авансы на переезд — будут посланы на имя французского консула в Бухарест. Справьтесь через недельку. Таков краткий смысл полученного письма от Мельникова.

Группа, подписавшись на журналы (21 человек, отдав чуть-ли не последние гроши), вступив членом в „Казачий Союз“ („Родимый Край“ № 10-1929 г. дек.), готовилась к выезду. Но, полученное письмо от г-на Мельникова привело группу на место. „Беда, действительно грянула“ — сообщает он — „въезд русским рабочим во Францию запрещен“.

Надежда на выезд пропала. Напрасное хождение в

консульство, обивание чужих порогов, трата времени, порча крови и нервов...

Прошла весна, лето, настала осень — близится зима. Группа, верившая в „перевозку во Францию“, потеряв теплое время года, к зиме осталась без работы, лишняя работа сбившись в спонз доброжелателей. Моральная ответственность за группу пала на меня, как на вдохновителя, инициатора и старшего.

Возник вопрос: было-ли это на самом деле так? Предпринимал-ли какие нибудь меры г-н Мельников по устройству группы на работу? Или это, просто, была комедия с целью заманить группу в Союз и в очередном номере журнала „Родимый Край“ приветствовать „нового члена Бухарестскую Каз. Группу“ поставить над ней № 138 (нумерация по очереди вступления) и закрыть занавес.

Комедия окончена. Казачий список куда нужно представлен. „Нас признают“. „Нам верят“. „За нами идут“. „Мы сильны“. Вот приблизительный смысл печальной Мельниковской комедии: „Перевозка во Францию“.

Я — казак. По моим жилам течет кровь Востока, а потому я склонен верить в переселение душ. Мне кажется, что Гоголевский Чичиков целиком воплотился в г-на Мельникова. Какое поразительное сходство!.. Первый всеми правдами и неправдами скупал мертвые крестьянские души у русских помещиков. Второй — почти таким-же способом закрепощает живые Вольно-казачьи души тем-же русским помещикам.

Мне кажется, что новый Чичиков ошибся в своих расчетах, потому что мертвые крепостные крестьянские души — не то что живые Вольно-казачьи. Казачьи трудно скупить, продать или заложить!

Г-н Мельников, между прочим, недурно выступает и в другой роли. Например, каждый номер журнала „Родимого Края“, редактируемого им, он снабжает эпиграфом из Тараса Бульбы.

Можно думать, что редактор Мельников чтит память Славных Запорожцев, а следовательно, питает симпатии и к их настоящим потомкам — Кубанским казакам. Но читатель может обмануться, приняв эпиграф за чистую монету. На страничках этого же журнала тот-же Мельников поджигает костер под новым Бульбой и четвертует современного Остапа.

В своем пасквили „о самостоятельности“ („Род. Край“ № 6, стр. 18) г-н Мельников говорит: „Мне думается, что дело Атаманским окриком не окончится, казачество потребует и более суровому ответу тех, кто легкомысленно позволял себе на чужбине играть казачьи головами...“ — Мне тоже самое думается, что из чужбины вернувшееся Казачество на освобожденную свою Родину — Казачью, действительно потребует отчет у тех, кто играл Его головами на чужбине, спекулируя Им в несчастном положении — в безработице.

Сергей Маргушин.

Румыния, 14 VIII-1930 г.

Беседа с донским крестьянином.

Пришел недавно в редакцию земляк — донской крестьянин. Попросил много старых номеров журнала. Говорит — пошлю своим землякам, донским крестьянам; они — говорит — интересуются нашим движением; я тоже все время слежу, хотя и не сочувствую; мы все ждем, когда вы скажете ясное слово по земельному вопросу на Дону в связи с крестьянским, иногородним вопросом. Вот вы, как вы склонны разрешить этот вопрос, думаете отнимать у мужиков землю или как?

— Я — говорю ему — не лидер нашего течения, а потому и брать на себя разрешение такого вопроса не могу, но думаю, что этот вопрос рано или поздно должен быть разрешен и это будет принадлежать всеказачьему представительному органу с участием и самих крестьян...

— Но мы все это слышали, все же думаем, что люди, начинающие такое политическое движение, как вольноказачье, должны иметь определенное отношение к такому важному вопросу, как вы будете его проводить или отстаивать в будущем?

— Пожалуй, вы правы, но черное слово вероятно будет принадлежать нашим руководителям...

— Руководителей ваших, зная их лично, я уже слышал, это все казаки, донцы и кубанцы, а вот как вы смотрите на этот вопрос, как калмык, как один из членов народностей Кавказских Земель? Я никогда еще ни одного калмыка не слышал по этому вопросу; у меня среди калмыков были добрые знакомые, водил с ними хлеб соль, знаю этот народ. Нам было бы интересно услышать калмыцкое мнение.

— К сожалению, я не спец по земельному вопросу, и совершенно не знаком с этим делом...

— Не важно, я ни специальных агрономических изысканий, ни ученого труда от вас хочу; имеете хоть какой-нибудь взгляд по земельному вопросу на Дону, вот наш взгляд просто изложите, что, как я знаю, вы можете.

Я был прижат к стенке и пришлось обещать, что если только наши товарищи ничего не будут иметь против... „Только — гонорю я ему — предупреждаю, что мой разбор и мои суждения по этому вопросу будут очень примитивны просто и кратки“.

— Вот, вот — обрадовался он, — кратко и ясно скажите свое мнение; мы будем знать, что вот такой-то, так бы разрешил этот вопрос. И все.

На этом мы закончили наш разговор и он ушел. Значит, выходит — хочешь-не хочешь, скажи свое мнение по земельному вопросу. Сказать, что у меня нет никакого мнения по этому вопросу было бы зазорно, пришлось обещать, что попробую.

Вопрос о крестьянах и о земле всегда был Ахиллесовой пятой, Гордиевым узлом политики правительства и политических деятелей Дона (и, думаю, других казачьих областей, где хотя недолго строительством государственной жизни принадлежало казакам). Неразрешение, или неудовлетворительное разрешение этого вопроса с одной стороны и магическое действие слов „Рабоче-крестьянская республика“ с другой, конечно были главной причиной трагического раз'единения крестьян и казаков во дни 1917-20 годов. Сумей Казачество удовлетворительно разрешить земельный вопрос и сумей крестьянство понять химерности большевистских обещаний, единение казаче-крестьянских сил для отражения большевистского нападения на Казачество было обеспечено и возможно, что результат борьбы был бы иной.

Правда, Донское правительство, поняв неудачу первых шагов в отношении крестьянского вопроса, впоследствии пыталось исправить, но клин раздора был уже в сознание крестьянской массы вбит, вытравить его уже было гораздо труднее, а кроме того и меры эти были отчасти половинчатые.

Теперь, когда десятилетие большевистской власти вероятно отрезвило крестьян от большевистских увлечений, когда они уже поняли, что за словом „Рабоче-крестьянская“ ничего в сущности не скрывается, надо думать, что удачное разрешение земельного вопроса в Казачьи, точное определение возможного положения крестьян в Кавказских Землях, даст возможность морального объединения крестьян и казаков в сознании гражданина одной Родины.

Оставляя на этом область отвлеченных рассуждений задним числом, я, что называется, не гоноря хитрого слова, возьму-ка смело быка за рога. По моему мнению, не может быть прочного государственного организма, пока та или иная часть его, особенно, когда эта часть составляет почти половину, лишена одинакового права на пользование всеми благами, происходящими от нахождения ее в числе граждан данного государства. Государства с таким изъяном всегда должны быть готовы, что в минуты жизни трудные эти неудовлетворенные части населения не постесняются вставить палки в колеса, вместо всеобщего морального и материального „напряжения всех сил страны“. Следовательно, в интересах самого государства, в интересах его внутренней и внешней мощи искать путей установления такого государственного правопорядка, чтобы все элементы входящие в состав данного государства были бы одинаковы, как перед законом страны, так и в пользовании всеми его благами. Это рав-

ноправие в пользовании благами, конечно, само собою разумеет и равноправие обязанностей гражданина перед родиной, хотя эти обязанности требовали бы иногда и больших жертв.

В наше время редко найти государство, состоящее из однородной нации, везде в большинстве современных государств есть разновидности племен, наречий и национальностей. И в этом отношении Казачество на территории которого всего четыре основных „национальности“ — казаки, крестьяне, калмыки и черкесы, не представляет исключения и этот факт никого не должен смущать.

Правда, генерал Богаевский и другие наши противники казачьей свободы и самостоятельности, как один из аргументов в пользу невозможности для Казачества строить свое государство, в первую голову упоминают о крестьянах. „А как будете с ними? Вот главное их пугало.“

По моему, при объективном подходе с обеих сторон, при полном понимании государственных интересов, при некотором отрешении от эгоизма, разрешение этого вопроса не так уж и трудно. Для этого нужно забыть прошлое, в котором между крестьянами и казаками были недоразумения, взаимное недоверие; что же, „былое было и бывшем поросло“ и исходить из одинаковости прав всех слоев и видов населения на все то, что государство может населению предоставлять. Земля, недра и леса принадлежат Казачьему государству, право на пользование ими принадлежит всем гражданам на равных основаниях, что влечет за собою и равноправие обязанностей. Вот это главное, остальное же „как, где, сколько“ это уже вопросы технические. При этом, само собою разумеется, что исключается вопрос о легализации положения созданного в наших Землях большевиками. Разговор может и должен идти лишь о крестьянах коренных и живших оседло на арендных участках до революции. Все, же что понаехало по большевистскому „строительству“, должно уехать, откуда приехали, точно также как и все казаки, калмыки и крестьяне, выселенные большевиками должны вернуться на свои места.

Вот как я решил бы, если меня спросили, этот острый вопрос. Всякий иной подход был бы мреват осложнениями и расходил бы с принципом равноправности граждан государства, что неизменно влечет и разные понимания гражданских обязанностей и что, в свою очередь, обрекает государство на всякие случайности. Это настолько общезвестные принципы, что толковать об этом излишне.

Прочность государственных основ зиждется не только на однородности национального состава, а на однородности экономической заинтересованности, на однородности жизненных интересов. Нет еще такого закона, чтобы одна и та же нация не входила в состав разных государств. А потому не будет ничего удивительного, что и крестьяне, входя в состав равноправных граждан Казачьи, будут одинаково с нами патриотами своего государства. Для этого нужно справедливое разрешение жизненных вопросов, соответствующее общественное воспитание и соответствующая среда.

С. Балыков.

Письмо в редакцию.

Глубокоуважаемый, Г-н Редактор!

Прошу Вас, поместить на страницах нашего дорогого журнала мое искреннее обращение к моим братьям-казакам.

Братья казаки всех казачьих Войск! Девять с лишним лет мы терзаем свою жизнь по белу свету. Измученные в шахтах, утомленные по фабрикам, измороженные поденщиной, убитые тоскою по родине, не видим мы своих родных станиц и хуторов. Не слышим мы сладких песен наших милых, румяных казачек. Кто же нас развеселит? Кто же рассеет нашу грусть-тоску? Никто, кроме песен и рассказов наших казачьих! Где они? Они помещены в журнале нашем-родном казачьем.